

АЛЬФРЕД Р. РЭДКЛИФФ-БРАУН

ЭВОЛЮЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ИЛИ КУЛЬТУРНАЯ?*

В 1940 г. я говорил в инаугурационной лекции (см. прим. 1), что Льюис Морган «относительно общества верил не в эволюцию, а в прогресс, который понимал как неуклонное материальное и моральное улучшение человечества, ведущее от грубых каменных орудий и полового промискуитета к паровым двигателям и моногамному браку в духе Рочестера, шт. Нью-Йорк». Профессор Уайт [1: 218, 228-230] возражает этому утверждению. Из контекста ясно, что *смысл* моего утверждения опирался на проведение различия между теорией социальной эволюции и теорией прогресса, а также между социальной эволюцией как эволюцией обществ и чем-то таким, что можно назвать эволюцией в языке или культуре. Профессор Уайт не обсуждает и даже не упоминает этих различий. Он заявляет, что Морган был настоящим социальным эволюционистом. Между тем в более поздней своей статье он все время говорит о «культурной эволюции» и считает Моргана и Тайлора сторонниками теории эволюции культуры. Если меня заботило проведение различия между разными видами теории, то профессора Уайта заботит важность прицепления некоторого ярлыка к Моргану.

Теория человеческого прогресса получила развитие в восемнадцатом веке и стала чрезвычайно популярна в девятнадцатом. Идея прогресса — это идея того, что Юм назвал в «*Естественной истории религии*» «улучшением человеческого общества от грубых его начал до более совершенного состояния» (см. прим. 2). Идея стадий прогресса была развита Тюрго и Кондорсе, а различие между «дикостью» и «варварством», которым пользовался Морган, было обычным в восемнадцатом веке, например, у Адама Фергюсона в «*Опыте истории гражданского общества*» (см. прим. 3), имеющееся у меня издание которого (третье) датировано 1768 г. Мне кажется, что Морган продолжал и развивал в опоре на колоссально выросшее этнографическое знание идеи этих и других авторов относительно прогресса.

Профессор Уайт указывает — в качестве части своего аргумента — на то, что Морган пользуется иногда словом «эволюция». Это ничего не значит. В конце восемнадцатого века Ривароль говорил, имея в виду Монтескье: «Il a admirablement saisi les grands phases de l'évolution sociale» (см. прим. 4). Два места из «*Древнего общества*», на которые профессор Уайт ссылается, не имеют никакого отношения к эволюции обществ. Вот они: «Постепенная эволюция их [людей] умственных и нравственных способностей посредством опыта» и «Человеческий интеллект без всякого умысла развил (evolved) членораздельный язык».

Теория органической эволюции была выдвинута Ламарком в его вводной лекции к курсу зоологии 21 февраля VIII года Революции (1800). Идеи, внесшие свою

* Перевод выполнен с источника: *Radcliffe-Brown A.R. Evolution, Social or Cultural? // American Anthropologist. 1947. Vol. 49. № 1. P. 78-83.*

лепту в позднейшую формулировку теории эволюции обществ, обнаруживаются в произведениях Сен-Симона, Конта и других. Таковы были идея Сен-Симона о связности институтов в социальной системе (присутствующая уже у Монтескье), его идея об «органических» и «критических» эпохах в истории общества, его идея о том, что наиболее заметной чертой исторического развития является непрерывное расширение принципа ассоциации от семьи к городу, от нации к наднациональной церкви. Было бы удивительно, если бы ни одна из этих идей не проникла в конце концов в работу Моргана, и профессор Уайт показывает, что некоторые из них и вправду в нее проникли. Но их недостаточно, чтобы составить общую эволюционную теорию.

Первую эксплицитную формулировку теории социальной эволюции, т.е. эволюции *обществ*, дал Герберт Спенсер. Он начинал с теории прогресса, что можно увидеть в его «Социальной статике» (1851) (см. прим. 5). Теория эволюции обществ была сформулирована им в 1860 г. в очерке «Социальный организм» (см. прим. 6) и развита в его «Основаниях социологии» (см. прим. 7), публикация которых началась в 1874 г. Существенными моментами спенсеровской теории являются следующие:

(1) Социальная, или сверхорганическая (см. прим. 8), эволюция есть продолжение органической эволюции.

«Признавая тот факт, что совместные действия родителей в выкармливании детенышей предвосхищают процессы иного класса, выходящего за рамки сугубо органических процессов, а также признавая то, что некоторые продукты этих совместных действий, как, например, гнезда, должны браться как предзнаменования продуктов сверхорганического класса, мы все-таки вправе считать, что Сверхорганическая Эволюция начинается лишь тогда, когда на сцену выходит нечто большее, нежели соединенные усилия родителей. Никакой абсолютной границы здесь, разумеется, быть не может. Коль скоро имела место Эволюция, то та ее форма, которую мы выделили как сверхорганическую, должна была возникнуть из органической путем ряда неощутимых переходов. Однако нам было бы удобно отграничить ее как форму, включающую все те процессы и продукты, которые предполагают координированные действия многих индивидов — координированные действия, дающие результаты, превосходящие в степени и сложности те, которых можно достичь с помощью индивидуальных действий» (р. 4) (см. прим. 9).

(2) Существенными особенностями человеческой социальной эволюции являются «рост социальной агрегации» (р. 481) и «развитие организации» (р. 493, 504).

(3) Факторами социальной эволюции человечества служат (а) внешние факторы — физическая среда в самом широком смысле; (б) внутренние факторы — биологически наследуемые человеческие характеристики; (в) вторичные, или производные факторы: (i) прогрессивное изменение неорганической и органической среды, вызываемое действиями обществ; (ii) возрастание размера социального агрегата, сопровождающееся, как правило, увеличением его плотности; (iii) взаимное влияние общества и его единиц, влияние целого на части и частей на целое, действия и реакции между обществом и каждым из его членов; (iv) «еще один чрезвычайно важный производный фактор — действия и реакции между обществом и соседними обществами»; (v) «скопление тех сверхорганических продуктов, которые мы обыкновенно отличаем как искусственные, но которые, с философской точки зрения, не менее естественны, чем все другие произведения эволюции», — материальные приспособ-

ления, язык, знание, обычаи и законы, мифологии, теологии, космогонии и те продукты, которые мы называем эстетическими (р. 11-14).

«Скопление сверхорганических продуктов», присутствующее в теоретической формулировке Спенсера, есть то, что антропологи ныне имеют в виду под «культурой», в одном из употреблений этого термина. Спенсер проводит различие между «структурами и функциями, составляющими организацию и жизнь каждого общества», и «некоторыми ассоциированными с ними развитиями, которые способствуют социальной эволюции и поддерживаются ею, — развитиями языка, знания, морали, эстетики».

Еще в начале века я принял теорию *социальной* эволюции как полезную рабочую гипотезу. В 1931 г., когда я говорил о социальной эволюции в своих чикагских лекциях, один из студентов указал мне, что «Боас и Лоуи доказали, что такой вещи, как социальная эволюция, не существует». Выяснилось, что в США это общепринятое воззрение. Однако, с моей точки зрения, аргументы Боаса, Лоуи и других анти-[культурных]-эволюционистов не имеют никакого отношения к теории социальной эволюции. В этих обстоятельствах стоит, наверное, указать на некоторые моменты, которые следует учитывать, имея дело с этой теорией, как она на сегодня сложилась.

(1) Эволюционный процесс есть, в сущности, комбинация случайности и закона. Случайность — это событие (happening), которое невозможно предвидеть или предсказать (если только не прибегать к сверхъестественным средствам откровения) (см. прим. 10). Однако знание естественных законов позволяет нам иногда предвидеть результаты случайности. Человек может случайно упасть с крыши небоскреба. Знание естественного закона позволяет нам предвидеть, что в результате этого его смерть, по крайней мере, высоковероятна.

Отсюда следует, что эволюционный процесс невозможно предугадать и нельзя полностью *объяснить* с помощью закона. Самое полное знание биологических законов, какое только могло бы быть когда-нибудь получено, не позволило бы нам предугадать, что из древнего пятипалого предка лошади возникнут в результате развития сегодняшние английский рысак и английская ломовая лошадь. И даже самое полное знание законов социального изменения не позволило бы нам предсказать, какого рода социальная система будет обнаружена в Чикаго спустя два столетия.

(2) Идея прогресса — это идея совершенствования, улучшения человеческой жизни. Идея эволюции является нейтральным научным понятием и не предполагает движения в желательном направлении.

(3) Социальная эволюция, как и органическая эволюция, понимается по сути своей как процесс диверсификации. Благодаря ей производятся новые и иные формы общества. Эволюциониста интересует изучение процессов диверсификации обществ. Надеюсь, ясно, что они не могут быть объяснены «диффузией культуры».

(4) Хотя, согласно этой теории, в человеческой жизни, взятой в целом, происходил процесс эволюции, признается и то, что в отдельных случаях происходило то, что Спенсер называл «ретрогрессией» [2, 106].

(5) С точки зрения теории социальной эволюции, процессы «диффузии культуры» или «аккультурации» являются лишь частями, или аспектами, того, что Спенсер называл «крайне важным фактором» социальной эволюции, а именно — действия и реакции между обществом и другими обществами, с которыми оно поддерживает или собирается войти в контакт, или коммуникацию. В Америке я встретил много

студентов и антропологов, которые были столь основательно индоктринированы идеей, что факт диффузии культуры опровергает всякую теорию социальной эволюции, что было невозможно или бесполезно обсуждать с ними этот предмет. Некоторыми авторитет (или предполагаемый авторитет) Боаса в этом вопросе принимался как окончательный.

Для изучения социальной эволюции не меньше, чем диффузия культуры, важно формирование новых обществ посредством миграций, завоеваний и т.д., как, например, образование Римской империи или США. Аккультурация есть результат развивающегося социального процесса возрастающих контактов и взаимодействий.

(6) Согласно теории Спенсера, развития и изменения в том, что сегодня называют культурой и что он называл скоплением сверхорганических продуктов, ассоциированы и соединены с процессом социальной эволюции. Природа этих ассоциаций и соединений является темой для исследований, которые должны следовать за изучением социальной эволюции или, по крайней мере, им сопровождаться. Вот еще выдержки из Спенсера:

«После этих структур и функций, составляющих организацию и жизнь каждого общества, должны быть рассмотрены некоторые ассоциированные с ними развития, которые способствуют социальной эволюции и поддерживаются ею, — развития языка, знания, морали, эстетики... Но теперь, прежде чем попытаться объяснить эти весьма запутанные явления, мы должны узнать путем их рассмотрения действительные отношения сосуществования и последовательности, в которых они состоят друг с другом. Сравнивая общества разных видов и общества на разных их стадиях, мы должны установить, какие черты размера, структуры, функции и т.д. обычно друг с другом соединяются» (р. 460, 462).

Так, религию (или ритуал и верование) можно рассмотреть как часть культуры, в нынешнем значении этого слова, или как сверхорганический продукт. Одна из моих целей как эволюциониста заключалась в том, чтобы попытаться обнаружить взаимосвязи между религией и структурой, или конституцией, обществ; этой теме посвящена, в частности, недавно опубликованная лекция «Религия и общество».

Социальный антрополог, или исследователь социальной эволюции, вовлекается в изучение обществ. Д-р Меггерс [2, 196], допуская, что изучение обществ «не лишено ценности», задается вопросом, почему этим должны заниматься антропологи. Она предполагает, что изучение обществ по всему миру должно быть оставлено социологам (под которыми, как я полагаю, она разумет тех, кто изучает или преподает предмет, называемый социологией в американских колледжах и университетах), а антропологи должны всецело посвятить себя «систематическому изучению культуры как таковой». Таким образом, она дает нам пример весьма заметной тенденции в американской антропологии, которую она в своей статье не упоминает, — тенденции рассматривать «культуру» как нечто *sui generis*, которое необходимо изучать самостоятельно, а не в рамках изучения человеческого общества. Некоторые из тенденций, которые она упоминает, являются реакциями на эту тенденцию.

Это подводит нас к сути того, о чем идет спор. Существует наука о человеческих обществах, которая стремится применить к своему предмету естественнонаучные методы исследования и рассуждения. Она, следовательно, развивается путем систематического сравнительного изучения многих разных обществ, уделяя особое внимание тем, которые называются примитивными. В этой науке есть место для теории

социальной эволюции. Религии, правовые системы, искусства и т.д. и их развития и изменения рассматриваются в связи с обществами, их конституцией и их эволюцией. Эту науку Спенсер и Дюркгейм называют социологией. Это не то, что обычно называют социологией в Англии или США. На Британских островах эта наука называется «социальной антропологией» и изучается как предмет в нескольких университетах; есть профессора «социальной антропологии» в Оксфорде и Кембридже. Делая свою работу, социальные антропологи проводят полевые исследования обществ в Австралии, Меланезии, Африке и т.д. Д-р Меггерс полагает, что мы не должны называться антропологами.

В Англии мы уже целое столетие признаем другой вид изысканий, который мы называем этнологией. Этимологически она означает изучение «народов», а народы схожи друг с другом и отличаются друг от друга по расовым характеристикам, языку и культуре. В «Оксфордском словаре» этнология определяется как «наука, которая толкует о расах и народах, их связях, их отличительных характеристиках и т.д.». Это по природе своей наука географическая и историческая.

Есть еще третий вид изысканий, признанный сегодня в Америке, о котором говорят как о науке, имеющей дело с культурой. Он, стало быть, отличен от изучения обществ и от исторического изучения народов. Иногда этот вид изысканий называют «культурной антропологией»; профессор Уайт, в свою очередь, предлагает название «культурология», или «культурологическая наука». Представляется очевидным, что наука о культуре, как нечто отдельное и отличное от науки об обществе, к теориям социальной эволюции не имеет никакого отношения. Профессор Уайт полагает, однако, что ей необходима теория эволюции культуры. «Нам нужны контуры эволюции культуры во всей ее целостности» [2, 90].

Наука о культуре — не то же самое, что наука об обществах (слова Крёбера). Теория эволюции культуры не может быть тем же, что и теория социальной эволюции. Теория социальной эволюции — не то же самое, что теория прогресса (или вера в него). Я выразил свое мнение, что тем, о чем писал Морган, был человеческий прогресс. Профессор Уайт говорит, что он на самом деле писал об эволюции культуры и эволюции обществ. У меня нет желания спорить о том, какой ярлык прилепить к Моргану. Но, думаю, профессор Уайт мог бы отнестись с некоторым вниманием к смыслу моего утверждения в контексте, в котором оно было высказано.

Колледж Всех Душ
Оксфорд, Англия.

ЛИТЕРАТУРА

1. American Anthropologist. Vol. 46. 1947.
2. American Anthropologist. Vol. 48. № 2. 1947.
3. Spencer H. Op. cit.

Примечания

1. Имеется в виду инаугурационная лекция в Королевском антропологическом институте. См.: Radcliffe-Brown A. R. On Social Structure // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1940. Vol. 70. № 1. P. 1-12 (рус. пер.: Рэдклифф-Браун А. Р. О социальной структуре // Культурология: Дайджест. 2000. № 1. С. 184-203). — Прим. перев.

2. В переводе С.И. Церетели стоящее в оригинале слово *improvement* передается как «развитие», а не как «улучшение» (см.: Юм Д. Естественная история религии // Юм Д. Малые произведения. М., 1996.

С. 219). В контексте настоящей статьи этот перевод является не просто неточным, но и дезориентирующим; поэтому мы даем свой. — *Прим. перев.*

3. Рус. пер.: *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества: Пер. с англ. И.И. Мюрберг / Под ред. М.А. Абрамова. М., 2000. — *Прим. перев.*

4. «Он восхитительно улавливает великие стадии социальной эволюции» (фр.). — *Прим. перев.*

5. Рус. пер.: *Спенсер Г.* Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб., 1906. — *Прим. перев.*

6. Рус. пер.: *Спенсер Г.* Социальный организм // *Спенсер Г.* Опыт научные, политические и философские: Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. Мн., 1998. — *Прим. перев.*

7. Есть несколько почти полных или частичных дореволюционных переводов (в наиболее полных нет части о религиозных институтах и ряда фрагментов, запрещенных цензурой). — *Прим. перев.*

8. Термин «сверхорганическое» был, видимо, неверно понят д-ром Бидни (*American Anthropologist*. Vol. 48. № 2. P. 293) или, по крайней мере, неправильно им используется, когда он пишет о «сверхорганическом видении полной автономии культурного процесса». Примером спенсеровского сверхорганического является социальная жизнь моего пчелиного улья. Интересно, стал бы д-р Бидни утверждать, что спенсеровское понятие сверхорганического предполагает, что у моих пчел есть «культура» и что эта культура или процесс, посредством которого она развилась в ходе эволюции, «полностью автономны»?

9. Цитаты приводятся по изданию: *Principles of Sociology*. N.Y., 1882.

10. Конечно, случайность имеет свои причины в том смысле, в каком говорят о причинах в истории или в суде.

Перевод с англ. В.Г. Николаева